

Вера ЗУБАРЕВА

А все же она вертится!..

А все же я верю, что у Одессы есть солнечное завтра вопреки некоторым прогнозам погоды, обещающим затяжную облачность. Не может город, основанный на идее свободного рынка, на уважении к коммерции и искусствам (!), превратиться в пыльный уездный пригород с ментальностью заезжего обывателя.

Знаю, знаю, дух города истончился, уже нет того колорита, в атмосфере ментальная озоновая дыра... И все же... Одесса, открывшаяся мне этой весной, порадовала значительно больше, чем Одесса, которую я оставила в 1989-м. О каком духе шла речь тогда! Идешь, а впереди и сзади шеренги серых улиц на поселке Котовского, ветшающий центр города с мухами на прилавках и безликими чиновниками там и сям. Друзья здороваются на бегу и ныряют в вагоны поезда, уносящего их в Чоп. Никакого просвета, полный развал.

А еще раньше, лет за десять до того или пятнадцать, — коммунальные семьи, мамы, цокающие по разбитому асфальту с авоськами. В общепитовских столовых царят явно антиодесские настроения среди поваров. Ни прожевать, ни переварить подобного никто не в состоянии. Не говоря уже о гастрономах, по которым одесситы ходят, как по кунсткамере с заспиртованными уродами редких продуктов... Только Толчок и цветет еще нарване с Привозом. Но той Одессы, которая у Бабеля, с ее артистизмом, капиталистической направленностью, уютным миром ресторанных, или той, что у Пушкина, с блеском дворцов полусказочных и лукоморьем, все равно не было.

Прощалась я больше с литературной Одессой, по ней же и грустила, к ней возвращалась памятью и в снах, о ней писала. А настоящая тем временем росла, ширилась, и все чаще доносились слухи о ее необычном расцвете до тех, кто по ту сторону океана. Точь-в-точь, как в "Сказке о царе Салтане" — "в свете ж вот какое чудо"... Почти теми же словами.

Приземлилась с замиранием сердца. Самолет грохнулся оземь (о, родной аэродром!), и посыпались катигоросками одесситы к таможене, где нужно было сперва заполнить какие-то карточки, а потом уже вытряхивать чемоданы. Смысл вопросов на карточке мне давался с трудом, и сердобольный милиционер вместе со мной все терпеливо заполнил, пока никого уже в том зале не осталось, кроме нас. А потом перечитал все, что сам написал, вздохнул и отпустил меня, покачив головой, в большую жизнь. В соседнем зале моя бывшая одноклассница хмуро не узнала меня, вещи потребовала бросить на просмотр, удивленно взглянув на единственную сумку через плечо. А оттуда — прямо в объятия дорогой и любимой подруги.

Галине Безикович

1

Что-то к прошлому мы давно
Не наведывались в дом тот ветхий.
Мяч луны угодил в окно.
Там сквозит на лестничной клетке.
Там, как черный, парадный ход —
Кто-то пил и семечки лугзал.
И облезлый шодливый кот
Втихаря выживал мусор.
Как кощеев ларец на цепях,
Лифт скрипел и качался очень.
А взамен золотого яйца
Он соседа вываливал к ночи.
Ворковало за стеной кино,
И расцветов еще было вдоволь.
Что-то прошлое мы давно
Не проведывали. Здорово ль?

2

Лунный свет бродил по берегу,
Гребни теплых волн очерчивал.
Карту сказочной Америки
Рисовал прибором подсвеченный.
Спали дети в дальних странствиях.
Покрывалось небо звездами.
И в его безбрежном царствии
Только боги были взрослыми.
То и снится, что аукнется
В памяти, где мы — вчерашние.
Где уводит к морю улица
Чуть запавшей черной клавишей.
Там сидим на побережье мы,
Временем не опечалены,
И следы детей по-прежнему
Скачут буквами печатными.

3

Дверь толкни и входи, не стой,
Не прислушивайся, как дует
Ветер в комнате полуодутой.
Там никто не живет, не думай.
На столе тот же луч косой
Та же ваза со дня рождения.
Тот же час на часах — шестой.
И вдоль кресел — две наших тени.

Где я очутилась, я так и не поняла поначалу. Похоже было на сон, но даже и не мой. Архитектурная фантазия тех, кто застроил старые и новые районы Одессы, не просто поразила, но и дала понять, что происходит возрождение духа города, того самого, который витал над необитаемыми землями будущей Одессы два с лишним столетия тому. Тот город, по словам Елены Каракиной, "будто вырос из-под земли" стараниями энтузиастов под предводительством "герцога с мускулами грузчика", который "использовал для строительства Одессы все или почти все достижения урбанизма, наработанные человечеством к XIX веку". Новая Одесса идет тем же путем. Она не повторяет старой, но преемственность — не в подражании прошлому, а в устремленности в будущее.

Сегодняшним одесситам предстоит не только отстроить свой город, но и бороться за то, за что боролись их далекие предшественники — за возможность его развития, за беспошлинную торговлю, за внедрение новаторских идей, за преодоление косности мышления чиновников, за то, чтоб замороженные новостройки на холмах не стали Карфагеном. Увы, у людей нет денег, чтобы выкупить свои квартиры, и это таки да плохо. Одесситам сегодня предстоит найти своего Дерibasа и своего Ришелье. Без этого Одессе не выродиться из пепла, не стать Жар-Птицей.

В отличие от города Петра, город Дерibasа был построен не на костях, а на любви, и это определило его атмосферу, его солнечную ментальность, его творческий и свободный дух. Двигаясь вперед, Одесса не должна удаляться от этого исконного принципа, заложившего фундамент города-мечты. И сегодня ей нужны дерibasы, которые бы так же искренне любили ее, а не карабасы, которые бы бездумно пользовались ее.

Так я думаю, пока постепенно распознаю улицы, захожу в дивные рестораны — дивные не только по кулинарному мастерству, но и по выдумке дизайнеров, соорудивших целый мир из каждого рестораника. "Компот", "Дача", La Terrazza... Каждый — неповторим, каждый — театральное действо, включая и работников, легко, с юмором, профессионализмом и нескрываемой гордостью рассказывающих об истории своего ресторана и отличительных особенностях его кухни.

Вот где витает творческий дух — живой, не надуманный, не наигранный! Стряпуха свергнута, безликий общепиток больше не сыщешь, да и тетя Клава отправлена куда-то дальше от прилавка, к которому я лично всегда подходила, как неопытный дуэлянт к барьеру, — никогда не могла запомнить название двух одиночных колбас на витрине и третьей под прилавком... Этому пришел конец. Тебе улыбаются, тебя любят, и ты отвечаешь тем же, понимая, что без тебя не будет процветать ресторан, дом, улица и, не дай Господь, аптека!

Но моя Одесса все же литературная. Литературное кафе "Мастер и Маргарита" стало первой остановкой. Там состоялось знакомство с Людмилой Шаргой и Семеном Абрамовичем, гостеприимство которых было равно их литературному таланту. В "Мастере и Маргарите" стихи читались легко, как дома, в кругу дорогих друзей. И они действительно присутствовали там, в кафе, мои дорогие друзья, о которых думала и которым посвящала стихи.

Евгению Голубовскому

Ничто не дается так трудно душе,
как стихи.
Особенно те, что растут из нее, а не сора.
Я снова иду, приглушая немного шаги,
И ждет меня свет за дверями
в конце коридора.
Войду, расскажу, что с утра
небеса развезло,
И было по ним продвигаться
задачей нелегкой.
Что рельсы двустийшии
уперлись в туман как назло,

И выйти пришлось
на какой-то другой остановке.
А там — бездорожье,
и все незнакомо опять.
Бродила, и слякоть одну развезла
по тетради.
А он мне в ответ:
"ничего", — мол, "стихи написать —
Не жизнь беречь.
И столетья, бывало, не хватит".
И выудит вечер из облака рыбку-звезду.
И спустимся в жизнь мы на лифте,
и буду я праздной
Пирожное с чаем вкушать
в той столовой внизу,
Садиться в трамвай и вздыхать,
Что в стихах — все сложнее. Гораздо.

А потом была "Зеленая лампа" — праздник встречи со знакомыми и незнакомыми талантами в студии Евгения Голубовского. А в мою бытность такой роскоши не было. Был только детский сад на том же квартале, где сегодня красуется Всемирный клуб одесситов, и приходилось рифмовать на ходу, по дороге в садик, и без всякой возможности почитать стихи на обратном пути Голубовскому или Кохрихту...

Одной из волнующих встреч была встреча с Анатолием Венгруком — редактором "Моряка Украины". Год назад отправила ему письмо по электронной почте, рассказав вкратце об отце и предложив очерк о нем с дневниками и записками. Честно говоря, на ответ не надеялась, а уж на положительный и подавно. Материал был объемным, частично выходил и во "Всемирных одесских новостях", и в "Вечерней Одессе", но предлагаемый очерк был гораздо обширнее и включал дневники. Ну кто же отдаст столько места в газете, когда редакторы борются за выживание, и каждая пядь газетного листа сдается в аренду под рекламу или саморекламу?

— Это нереально, — говорили мне друзья, знакомые с обстановкой в газетах.

"Но ведь и судьба моего отца, "лоцмана на трубе", была из области очевидного невероятного", — подумала я. И решила попробовать. Получила несколько отказов, и вдруг —

Уважаемая Вера Кимовна!

Спасибо огромное за очерк. Разместим в ближайшем номере. Очень трогательная история. Я слышал о "Моздоке" от начальника Воронцовского маяка Ивана Тимофеевича Циховича. Он работает с 55 года и до сих пор. Но о лоцмане на трубе слышу впервые. Спасибо и за хорошие слова в адрес нашей газеты.

С уважением, Анатолий Венгрук, редактор.

Так мы и подружались. А впоследствии был опубликован еще более обширный очерк в девятом номере газеты. Он включал и дневники, и копии документов, и фотографии из семейного альбома. Все было сделано с любовью, не формально. Так "Моряк" стал гаванью для "Лоцмана", а Венгрук — моим журналистским братом, как он сказал после того, как отснял очень эмоциональное интервью со мной для его программы "Морские истории" на телеканале "ОК".

Должна сказать, что все мои последующие интервью в Одессе начинались вопросом об отце, о фильме, посвященном ему, который я привезла, и этот интерес одесситов к своей истории только еще раз подтвердил: Одессе — быть! И как факт — в этом году вышла в свет и получила диплом на международной книжной ярмарке "Зеленая волна" электронная книга "Они оставили след в истории города". Этот замечательный проект памяти выдающихся одесситов был осуществлен благодаря энтузиастам из Всемирного клуба одесситов под руководством Леонида Рукмана.

Интеллигенция Одессы талантлива, активна и открыта новому. Атмосфера новаторства, творческих замыслов, интересных проектов вдохновляет и восхищает. Ощущение, что здесь молодцы абсолютно все, и "виной" тому — энтузиазм одесситов. Одесса из моего прошлого не знала подобного подъема.

И литстудия Игоря Потоцкого впечатлила как разнообразие молодых голосов, так и упорной борьбой за помещение, которое все же отвоевали. И милиционер опять-таки растрогал — уже другой, который пришел в тот день, чтобы выдворить студийцев, а потом так заслушался на прощальном чтении, что сам стал активно обсуждать понравившиеся стихи.

Это — Одесса. Моя, узнаваемая, пробивающаяся сквозь трещины в истории.

Москва не сразу строилась, а Одесса — почти сразу, моментально, но отстраиваться всегда приходится медленнее, поскольку не на пустом месте.

Ave

"Ave" одновременно означает "привет" и "прощай".
(Из разговора)

Змеенье виноградных лоз из детства.
Царит вчера, пока забрезжит завтра...
Руно из лун рассыпала Одесса,
Сиреной зазывая аргонавтов.
А Одиссея снов одна и та же —
Летучих парусов неясный призрачок,
Песок у кромки в темных звездах влажных
И колдовство берегового бриза.
А паруса — над городом, над морем,
Над звездами... Над звездами? А что там?
Там дуб зеленый с вечным Лукоморьем
И книга жизни с жестким переплетом.
— Лети, лети! — зовет на скалы сердце,
Чтоб выпал ритм из его оправы.
Штормит единство действия и места.
А город переводит: "Ave!".

Зарисовка

А у кромки воды,
Там все люди становятся птицами,
И вдыхает Лузановка
Солью пропахшее небо.
Этот берег — в ладони песок —
Снова снится мне,
И колышутся жизни
В сплетениях памяти-невода.
Побережий пески —
Словно древних морей мемуары.
В skleпах раковин,
Теплой водою ностальгических,
Только тени усопших моллюсков
Да йодистый траур,
Да личинки, как мумии,
Между прахом и вечностью.
Я иду и иду
По осколкам закатного зарева.
Волны катятся, словно пустые бутылки.
Это я их сама
с побережья другого отправила,
А теперь вот встречаю у сна на развилке.
Прямо двинусь — проснусь;
Влево — встретит жужжанье сирен,
Мидий лодки подводные в тине
На тлеющих горках добычи;
Вправо — полые крабы доспехи,
Да солнечка, давнее крен,
И оборванный след на песке
То ли твой, то ли птичий...

Отпуск

Здесь — как в раю.
Время стоит в зените,
Россыпи света вокруг голов,
Ни единой тени,
Капли воздуха с эликсиром сна...
По его орбите
Совершается вечный круговорот материй.
От земной до небесной тверди —
Полшага с пирса.
Тело движется со скоростью
Прямолинейного равномерного.
Душа — никогда. Поэтому ей не спится.
Тело с душой —
Все равно что пространство со временем.
То ли небо над морем,
То ли море над небом повисло здесь.
Серебро от взлетающих рыб...
Им завидуя,

Гребни волн облаками запенились.
Что влилось, то и вылилось
На равнину песка,
Там, где дюны взошли пирамидами.
Здесь сильней ностальгия
По неразрешенности вечера,
По живому текущему небу,
По оползням строчек.
Под зонтом абажура
Тетрадь обсыхает. До вечно —
Только мыслью подать. Но какой?
Вот вопрос, что сознание точит.
Я смещаюсь туда.
Фиолетовых сумерек выжимка,
Быстрый сон о тебе,
На песке — окаемка грусти
От волны откатившей,
Где чайка прошлась обижено.
Вот и все, что осталось
От отпуска длинной рукописи.

Вера ЗУБАРЕВА,
Филадельфия, 2010